

Павел Носачев,
кандидат философских наук, Православный Свято-Тихоновский
Гуманитарный Университет

К вопросу о русском традиционализме

Слово «традиционализм» имеет много значений. В самом простом варианте традиционализм выступает синонимом консерватизма (идеи сохранения устоявшихся веками ценностей, институтов, практик). Здесь нам хотелось бы обсудить традиционализм в более узком, специфическом значении. Марк Седжвик связывает его с пониманием традиции как «совокупности верований и практик, которые *должны были* (курсив Седжвика – П.Н.) передаваться с незапамятных времен, но были утрачены во 2-й пол. 2-го тыс. по Р.Х.»¹. Основные положения традиционализма в рассматриваемом значении были сформулированы в работах Рене Генона, Юлиуса Эвола и Ананды Кумарасвами. Седжвик выделяет три основных положения, формирующих ядро традиционализма, в приведенном выше значении: постулирование наличия изначальной «примордиальной» традиции, которая возникла в незапамятные исторические времена и послужила основой для всех существующих религий; постулирование системы инициации, с помощью которой можно войти в живой мир примордиальной традиции; утверждение противоположного, отрицательного антитрадиционного полюса, сеющего в мире энтропию и забвение духовных истин традиции, посвящение в систему которого можно получить посредством контринициации².

Схожим, но не во всем, образом характеризует традиционализм

один из крупных специалистов по западному эзотеризму Антуан Февр. Именуя традиционализм перениализмом, он выделяет три основные его составляющие: наличие изначальной традиции надчеловеческого происхождения, полученной человечеством в незапамятные времена, но с веками утраченной начала этой традиции теряются в столь глубокой тьме веков, что современная историография не может ее обнаружить; современная западная культура и цивилизация абсолютно несовместима с Традицией; Традиция может быть восстановлена через различные практики групп и сообществ существующих внутри различных религий и метафизических течений¹.

Интересную характеристику традиционализма дает голландский исследователь Воутер Ханеграафф. Согласно его мнению, традиционализм не представляет из себя единого учения, если, говоря о теориях Генона, можно ассоциировать их с феноменом западного эзотеризма, то все другие авторы, относящиеся к т.н. традиционализму, являются мыслителями, проводящими свои исследования в различных сферах гуманитарного знания: Эвола – в политике, Наср – в философии и т.п. Да и сам Генон в теории Ханеграаффа предстает скорее оригинальным религиоведом².

Несмотря на многообразие интерпретаций, можно все же с уверенностью говорить о серьезном интеллектуальном движении традиционализма, которое являлось значительной составляющей панорамы течений и идей, сформировавших интеллектуальный климат XX, а возможно и XXI в. Одним из показателей существования такого движения можно назвать большое количество различных групп, возводящих свое происхождение к Генону, Эволе и зачастую именующих себя традиционалистами. Другим показателем является большое число академических исследований, посвященных изучению творчества ключевых

¹ Sedgwick M. *Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century*. NY: Oxford UP, 2004, p. 21.

² Отметим, что все данные критерии, возможно, за исключением контринициации, можно с уверенностью применить к большинству эзотерических идеологий XIX и XX вв. Сам Марк Седжвик это прекрасно понимает, о чем и пишет в своей работе. Подробнее см.: Sedgwick M. *Op. cit.*, p. 21–28.

¹ Как и в случае с Седжвиком, характеристики Февра позволяют включить в перениализм большую часть эзотерических сообществ XIX–XX вв. Подробнее см.: Faivre A. *Histoire de la notion moderne de tradition dans ses rapports avec les courants esoteriques (XV–XX siecles) // Symboles et Mythes dans les mouvements initiatiques et esoteriques (XVII–XX siecles)*. Paris: La Table d'Emeraude, 1999, p. 7–48.

² Подробнее см.: Hanegraaff W. *Tradition // Dictionary of gnosis and western esotericism*. Leiden: Brill, 2005, p. 1132–1135.

фигур традиционализма¹ и всего явления в целом. Самой известной из работ такого плана является книга Марка Седжвика «Против современного мира», цитированная выше. В ней автор реконструирует историю традиционализма, связывая данное учение не только с Геноном и Эволой, но и со многими другими видными интеллектуалами: Элиаде, Шуоном, Насром, Дугиным². Подчас в книге Седжвика традиционализм предстает столь всеобъемлющим явлением, что его границы очень сложно очертить.

Особенно интересным в данном контексте является выделение Седжвиком т.н. «русского традиционализма», генезис которого он видит в небезызвестном Южинском кружке, а полное выражение в творчестве и деятельности Александра Дугина и Гейдара Джемалы³. Такая позиция с одной стороны нашла поддержку в лице самих же «русских традиционалистов»⁴, с другой — в академических кругах. Некоторые авторы четко высказались против возможности сближения позиций Генона и русских неоевразийцев⁵.

Мы проведем небольшой анализ работ тех, кого Седжвик относит к «русским традиционалистам», чтобы понять, оправдано ли суще-

¹ См. *Spineto M.* Mirca Eliade and traditionalism // *Aries*. Leiden: Brill, 2001, № 1, p. 62–87.

² *Sedgwick M.* Op. cit., p. XIII.

³ Отметим, что о России Марк Седжвик пишет много: во Введении, где подробно рассказывает о своей поездке в Россию и знакомстве с Дугиным и Джемалем, и в отдельной главе, где излагает историю традиционализма в России.

⁴ Например, в книге «Кто делает философию в современной России» А. Нилогов (автор-составитель) начал интервью с Олегом Фоминым с вопроса: «Олег Валерьевич, вы известны прежде всего как одна из ключевых фигур современного российского традиционализма?». Фомин полностью согласился с данной характеристикой и начал рассказывать о том, как он развивает «русский традиционализм» в своих работах. Подробнее см. *Нилогов А.* Кто делает философию в современной России. Т. 1. М.: Поколение, 2007, с. 340–345.

⁵ См. например *Shekhovtsov A., Umland A.* Is Aleksand Dugin a traditionalist? «Neo-Eurasianism» and perennial philosophy // *The Russian Review*. Vol. 68, №. 4 (2009), p. 662–678 и другие статьи авторов или рецензию *Arthur Versluis on Mark Sedgwick, Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century* // *Esoterica*. Michigan: Michigan university press, 2006, Vol. VIII, p. 186–190.

ствование данного термина и обосновано ли само сопоставление, проводимое Седжвиком.

Основным источником в данном случае должны быть работы главного идеолога Южинского кружка — Евгения Головина и самого Дугина. В далекие 60-е авторитет Головина был достаточно высок, в особенности глубокое впечатление он производил на молодежь. При этом Головин всегда был замкнут скорее на себе. Это касалось не только его автономии от почитателей, но и от какого-либо авторитета. Хотя Генон и оказал влияние на Головина, скорее, последний лишь нашел у него логичное и последовательное изложение тех идей, которые уже сложились у него самого. В последующие годы Головин будет достаточно критично отзываться о мэтре традиционализма: «Этот автор далеко не беспорен. Если частные интерпретации и трактовки метафизических истин и символов интересны и глубоки, общая историческая или, вернее, внеисторическая перспектива представляется одновременно категорической и утопической. Трудно вообразить сверхотдаленные эпохи цивилизаций, сугубо традиционные, трудно вообразить стиль, условия, быт тогдашней жизни... Можно ли думать о «царстве Традиции» как о Золотом веке? Сомнительно и все же ближе к истине, ибо Генон вполне сочувствует теории циклов»¹. Здесь видно, что автор этих слов критично относится к Генону, т.к. автор скорее сам обладает более высшим знанием, лишь контуры которого Генону удалось очертить. В своей последней вышедшей в свет при жизни работе «Мифомания» Головин позволяет себе еще более жестко отзываться о традиционализме в целом: «Концепция *tradition primordial* страдает ригоризмом, схематизмом и нетерпимостью, свойственным монотеистам: кто не с нами, тот против нас»². Для Головина, который, по словам Дугина был «последним истинным язычником», слово «монотеизм» является одним из самых серьезных упреков.

Сам Дугин признает, что влияние идей Генона на него и его взгляды очень велико, но в последние годы он все чаще говорит о своем изменившемся отношении к Генону. Одним из подтверждений тому может служить семинар ЦКИ, прошедший 26 октября 2010 г. «Актуальность традиционализма в XXI в.», где Дугин, в частности, отметил, что:

¹ Цит. по *Ровнер А.* Рыцарь святого Грааля // НГ-религии от 2 августа 2006 г.

² *Головин Е.* Мифомания. М., 2010, с. 16.

...необходимо пересмотреть свой взгляд на Генона. Я предлагаю следующий концепт: Генон как социолог... надо взять социологическую сторону учения Генона. Нужно демистифицировать Генона (и Эвола). Надо вычленив в Геноне революционный потенциал и предложить фронтальную критику Модерну, чтобы его похоронить окончательно... Традиционализм таким образом будет инструментом самого последовательного постмодерна... Это подводит нас к революционному потенциалу традиционализма. Маркс устарел. Генон становится с каждым днем все актуальнее для священного дела мировой революции и переворачивания циклических часов истории¹.

Очевидно, что для Дугина важность Генона прежде всего заключается в его критическом и резком отношении к современному миру, в его свидетельстве «об изначальной Традиции», в его борьбе с профанным эзотеризмом. Но Генон не ценен как учитель и непререкаемый авторитет.

Если Генон для Дугина выступает как теоретик, то Эвола предлагает осуществление тех же идей на практике. Если Генон лишь свидетель, то Эвола — деятельный революционер, человек, не желающий молча наблюдать за эпохой деградации, а бросающий ей вызов. Человек, который готов пожертвовать своей жизнью, но уничтожить ненавистный порядок антитрадиции. Недаром одной из первых переведенных Дугиным еще в 80-м г. книг является «Языческий империализм» Эвола. Вот как об этом говорит сам Дугин:

Мир Эвола — мир конкретного преобразования индивидуума и реальности. Измени себя — измени все вокруг. Уничтожь в себе современного человека — брось вызов современной цивилизации. Вскрой внутри зерно духа — восстанови вовне общество традиционного типа — Новое Средневековье, духовную иерархию, царство гнозиса и магических королей².

Одним из примеров активного традиционалиста, который подобно Эволе стремился к воплощению теории в жизнь, для Дугина является

¹ См. [<http://konservatizm.org/about.xhtml>]; последнее обновление 9 января 2011.

² Передача из цикла Finis Mundi «Юлиус Эвола: Волшебный путь интенсивности». Метод доступа: [<http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1100>]; последнее обновление 20 марта 2011.

барон Унгерн фон Штернберг. Удивительно, но именно этот кровавый правитель Монголии, психически нездоровый палач и убийца, получивший от современников характеристику «черная страница в истории белого движения», является таким ярким примером традиционалиста, согласно Дугину. Еще одним подтверждением значимости этой фигуры для него является то, что в *сер.* 90-х Дугин подписывал свои статьи псевдонимом «Штернберг». В эти же годы он описывает миссию Унгерна следующим образом:

Постепенно у Унгерна рождается отчаянный геополитический план — создать в Азии, а точнее в Монголии уникальную зону, свободную как от большевицкого влияния, так и от присутствия войск профанического Запада. Речь идет об уникальном мире, где будут действовать древнейшие законы Священной Традиции. Унгерн знаком с книгами Сэнт-Ив д'Альвейдра и знает о существовании тайной подземной страны Аггарта, в которой не действуют законы времени, и где пребывает Король Мира, Шакраварти. Подобно древним тамплиерам, которые охраняли не просто европейских паломников от сарацин, но великие тайны духовного знания от выродившегося католичества и секуляризирующейся французской монархии, Унгерн задумывает создать особую зону, располагающуюся между святынями Тибета, где и находится по преданию вход в Аггарту, и всем остальным миром¹.

Отметим, что с исторической точки зрения все попытки сближения построений Черного барона с Альвейдеровской Агарттой и эзотерической мифологией священных центров мира выглядят более чем сомнительно. В представлении Дугина Унгерн является романтическим правителем Монголии, восставшим на пути антитрадиционного мира. В таком представлении очевидным является влияние книги Осендовского, сильно приукрасившего облик барона.

После столь противоречивых и несхожих фигур как Генон, Эвола, Унгерн и Головин неудивительным является помещение Дугиным в ряд сторонников традиционализма Алистера Кроули. В кроулианской постановке Сергея Курехина «Поп механика 418: Курехин для Дугина» сам отечественный мыслитель появляется в качестве одного

¹ Метод доступа: [<http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1104>]; последнее обновление 20 марта 2011.

из действующих лиц¹. Помимо этого есть две статьи, написанные Дугиным о Кроули². В них он, прежде всего, критикует геноновское отношение к «зверю 666». Известно, что Генон отрицал даже контринициатичность опыта Кроули, считая его просто шарлатаном. Дугин же говорит о нем как об эзотерике левой руки, путь которого на фоне развращенности современного мира не только возможен, но и вполне приемлем. Мало того, Дугин пытается оправдать Кроули и перед Православием, утверждая, что весь его показной сатанизм был направлен лишь против буржуазных церквей Запада: католической и протестантской. Поскольку они расцениваются православием как ереси, а в более радикальных кругах и как прямой сатанизм, то Кроули в такой перспективе предстает как «сатанист от сатанизма», а, следовательно, как криптоправославный автор. По-видимому, еще одна идея Кроулианской системы, оказавшая влияние на Дугина, — идея нового Эона и предшествующая ему буря равноденствий³. Идея подтолкнуть то, что падает, посеять хаос, столкнув противоречия, очень сильно проступает у Дугина в *сер.* 90-х гг. в его интервью, книгах и передачах. Вот характерное высказывание:

Надо создать общие контуры Единой Теории Восстания, потом постараться где-то подтолкнуть, что падает, или вывести из строя — в первую очередь важна подрывная деятельность в культурной и интеллектуальной сфере. Потом вступим в реальность столь удивительную, что мало не покажется...⁴.

Если современный мир — очевидное зло, то сеять в нем хаос и приближать его конец, получается, — очевидное благо, в такой перспективе комплекс идей Кроули находит свое практически полное оправдание⁵.

¹ Саму постановку можно посмотреть в сети: [<http://video.yandex.ru/users/kadsergej/view/54/>].

² «Человек с соколиным клювом» в «Тамплиерах пролетариата» и «Учение Зверя» в «Милом ангеле».

³ По этому поводу см.: Anton Shekhovtsov Aleksandr Dugin's Neo-Eurasianism: The New Right à la Russe' // Religion Compass, Vol. 3, № 4 (2009), p. 697–716. Также примечательны и другие статьи автора.

⁴ «Вступим в реальность столь удивительную, что мало не покажется».

⁵ По этой теме интересной представляется статья: Shekhovtsov A. Aleksandr

В своей критической статье о традиционализме Дугина Андреас Умланд и Антон Шеховцов обвиняют мыслителя в непоследовательности, указывая на то, что Дугин выступает за модернизацию без вестернизации¹ — идея, которую Генон, радикальный оппонент любой модернизации, никогда бы не принял. Рассуждая подобным образом, нельзя забывать, что Дугин реинтерпретировал Генона, смешав его теории с построениями немецких геополитиков эпохи Третьего рейха, революционными идеями Эволы, магией хаоса Кроули, образом «бога войны» Унгерна и т.п. В данном случае можно говорить лишь об одном едином лейтмотиве, объединяющем в контексте Дугинской теории все эти образы и идеи — противостояние современному миру, черта, характерная и для работ Генона.

Выявляя противоречия между взглядами Евгения Головина, Александра Дугина, Рене Генона и Юлиуса Эволы, мы лишь указываем на всю неоднозначность самого термина «традиционализм» и на еще большую неоднозначность т.н. «русского традиционализма». Возможно, что сам термин традиционализм нуждается в большей проясненности; очевидно, что в академической среде принято объединять с его помощью пласт различных явлений, не до конца осознавая причины для этого объединения.

Dugin's Neo-Eurasianism: The New Right à la Russe' // Religion Compass, 2009, vol. 3, № 4, p. 697–716.

¹ Как гласит название одной из его статей. В проводимом ЦКИ цикле семинаров подобная идея действительно являлась одной из наиболее часто обсуждаемых.